

УДК 93/94, 82(091)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-27-37

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ (К ПОНИМАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОРЕФОРМЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ)

Блохин В. В.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть литературную полемику Н. К. Михайловского с Ф. М. Достоевским по проблеме взаимоотношений народа и интеллигенции. Указанная проблема является центральной в общественной мысли России второй половины XIX в., поскольку её решение определяло направленность и характер политического развития страны, ставило государство перед выбором между мирным развитием и насильственной революцией.

Процедуры и методы. Исследование основывается на использовании публицистики Ф. М. Достоевского, критических статей Н. К. Михайловского и мемуаров современников. Впервые в историографический оборот в указанном ракурсе вводится неопубликованная рукопись А. П. Флерова, позволяющая по-новому рассмотреть роль Михайловского как критика Ф. М. Достоевского.

Результаты. В ходе исследования было установлено, что литературно-критические приёмы Михайловского в отношении творчества Достоевского мотивировались не эстетическими, а общественно-политическими и ценностными факторами, что неизбежно приводило к заведомому искажению творчества писателя. В полемике двух публицистов столкнулось два непримиримых мировоззрения – христианское и позитивистско-секулярное.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют нюансировать и обогатить картину состояния русской литературной критики и общественной борьбы по вопросу взаимоотношений интеллигенции и народа.

Ключевые слова: народ, интеллигенция, капитализм, литературная критика, народничество, христианство, мировоззрение

N. K. MIKHAILOVSKY AND F. M. DOSTOEVSKY (TO UNDERSTAND THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN THE PEOPLE AND THE INTELLIGENTSIA IN THE POST-REFORM THOUGHT OF RUSSIA)

V. Blokhin

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya ul., Moscow 117198, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the literary polemics of N. K. Mikhailovsky and F. M. Dostoevsky on the problem of relations between the people and the intelligentsia. This problem is central to the social thought of Russia in the second half of the 19th century, since its solution determined the direction and nature of the political development of the country, putting the country before a choice between peaceful development and violent revolution. This problem was not specifically raised in historiography.

Certain aspects of the relationship between Dostoevsky and Mikhailovsky (polemics about the novel «Demons», etc.) were considered in the works of V. A. Tvardovskaya.

Methodology. The research is based on the use of F. M. Dostoevsky's journalism and N. K. Mikhailovsky's critical articles and memoirs of contemporaries. For the first time, the unpublished manuscript of A. P. Flerov is introduced into historiographical circulation, allowing us to consider the role of Mikhailovsky as a critic of F. M. Dostoevsky in a new way.

Results. It was found that Mikhailovsky's literary and critical techniques in relation to Dostoevsky's work were motivated by socio-political and value factors, rather than aesthetic, which inevitably led to a deliberate distortion of the writer's work. In the polemic of the two publicists, two irreconcilable worldviews collided – Christian and positivist-secular.

Research implications. The results of the study nuance and enrich the picture of Russian literary criticism and public struggle on the issue of the relationship between the intelligentsia and the people.

Keywords: people, intellectuals, capitalism, literary criticism, populism, Christianity, worldview

Введение

Проблема взаимоотношений народа и интеллигенции – одна из центральных в русской общественной мысли XIX в., что объяснимо интенсивным поиском ответов на историософские вопросы о судьбе России и её назначении. Мыслящие люди XIX в. не могли не задаваться драматическими вопросами о будущем страны, порождая нескончаемые и горячие споры о смысле русской истории. Для западной интеллигенции, либеральной и социалистической, было очевидным, что Россия должна пройти дорогу европейской цивилизации, разрушив свои исконные исторические и религиозные начала. Для мыслителей «русской идеи», к которым принадлежал и Ф. М. Достоевский, подобный взгляд был неприемлем. В этой связи проблема сущности народной жизни и роли в ней образованного меньшинства становилась центральной, смыслообразующей.

В научной литературе общественная роль Ф. М. Достоевского, его отношение к представителям общественного движения, социалистам и либералам достаточно подробно исследована В. А. Твардовской, показавшей весьма сложные отношения между Достоевским и народниками. Автор обратила пристальное внимание на общественную реакцию на знаменитый роман «Бесы», широко исследовала отношение народников к

творчеству писателя [10]. Аспекты мировоззрения и специфики творчества писателя нашли отражение в огромном массиве русской философской мысли [1; 2; 3; 6; 7]. К отдельным общественно-политическим сторонам творчества писателя обращались Р. В. Иванов-Разумник [4], Н. А. Кладова [5], Л. Г. Свинцова [8], Л. Г. Сухотина [9]. Между тем ряд сюжетов, связанных с отношением Николая Михайловского, лидера народничества, к Достоевскому, остался за рамками научного интереса. Эти вопросы стали предметом рассмотрения в данной работе.

Источниками анализа являются публицистика Ф. М. Достоевского¹ и Н. К. Михайловского², мемуары современников, воспоминания брата А. М. Достоевского, единомышленника и друга С. Д. Яновского³.

Достоевский и идеи народности

В дихотомии «народ и интеллигенция» категории «народ» и «народная» жизнь очевидно имели глубокие исторические

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. 799 с.

² Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1897. Т.V-1020 стб.; Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. 605 с.

³ Достоевский Ф. М. В воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 623 с.

корни. Идея «народа», как предмет философской рефлексии, зародилась в общественном сознании России в 1830-е гг. в период романтической реакции на французское Просвещение. Генетически эта идея была связана как с рецепцией германской философии, прежде всего наследия Шеллинга, так и пробуждением интереса к отечественной истории. Наиболее полно она воплотилась в славянофильском учении И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о русском народе как хранителе национальной культуры и исторической традиции. Восприятие народа как культурно-религиозного феномена подкреплялось возросшим интересом к отечественной истории, к пониманию того, что она имеет начала в глубинах народной жизни. Показательно, что становление взглядов Ф. М. Достоевского на народ было укоренено именно в этом «историческом веке».

Показательны те первые духовные импульсы, к которым приходил Достоевский в своём юношестве. По воспоминаниям младшего брата А. М. Достоевского, в семье всегда с добротой относились к крестьянам. «Все крестьяне, в особенности женщины, очень всех нас любили и, не стесняясь нисколько, вступали с нами в разговоры. Мы <...> старались тоже угодить им всевозможными средствами», оказывали безвозмездную помощь крестьянам-погорельцам»¹.

Представления о сущности народной жизни сформировались у будущего писателя не только под воздействием личного опыта взаимоотношений с крестьянами, но и подкреплялись и идейным влиянием века. Ф. М. Достоевский, будучи еще юношей, увлекался чтением исторических книг. «“История” Карамзина была его настольною книгою... Вообще брат Федя более читал сочинения исторические, серьезные...», – писал младший брат Александр².

Впрочем, наибольшее духовное влияние на молодого человека оказали Пушкин и Гоголь. Братья Михаил и Федор знали почти всего Пушкина «наизусть», в то время, когда поэт был ещё их современником³.

Особую притягательность для мировоззрения будущего писателя имел Гоголь. «Гоголя Федор Михайлович никогда не уставал читать и нередко читал его вслух, объясняя и толкуя до мелочей. Когда же он читал «Мертвые души», то почти каждый раз, закрывая книгу, восклицал: «Какой великий учитель для всех русских, а для нашего брата писателя в особенности! Вот так настольная книга!»⁴. Причём любимым предметом изучения для него была душа человека.

Таким образом, идея народности была глубоко укоренена в самой жизни писателя, в его восприятии действительности. Органически понимая народ, он тем не менее видел опасности, которые несли ему реалии капитализма, порождённые отменой крепостного права. Будучи сторонником отмены крепостного права, он стал едва ли не первым из отечественных консервативных мыслителей, обративших внимание на разрушительную работу капитализма в России, губившего народную душу силой денег. «Труд, промышленность? ибо правильный бюджет окупается лишь трудом и промышленностью. Но какой же образуется труд при таких кабаках? Настоящие, правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии её, иначе могут образоваться лишь капиталы кулаков... Явятся мелкие, подленькие, развратнейшие буржуа и бесконечное множество закабалённых им нищих рабов – вот картина!»⁵.

В другом месте оценка реформы не менее жёсткая. «Экономическое и нрав-

¹ Достоевский Ф. М. В воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 74, 77.

² Там же. С. 85.

³ Там же: С. 86.

⁴ Достоевский Ф. М. В воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 238–239.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 152

ственное состояние народа по освобождению от крепостного ига – ужасно. Несомненные и в высшей степени тревожные факты о том свидетельствуют поминутно»¹.

Исключая возвращение к прежнему крепостному состоянию, он глубоко верил в возможности народа спасти себя самого, без всякого внешнего вмешательства. «Во всяком случае, надо желать, чтобы народ имел полную свободу сам выйти из грустного своего положения, безо всякой опеки и поворотов назад»². Залогом веры в народное спасение для писателя оставалась исконная христианская суть русской души, народная психология, интуитивно и бессознательно хранившая христианскую правду. На этом религиозном стержне крепилось религиозное народничество Достоевского. Будучи близким к народникам в своём осуждении капитализма, он не разделял многих народнических постулатов, прежде всего – приоритета социального освобождения над духовно-нравственным. Если для народников-позитивистов проблема народа состояла в социальном реформировании его жизни, то у Достоевского – в духовно-нравственном спасении. Крестьянство в мышлении теоретиков народничества было прежде всего категорией социальной, а не духовно-исторической.

«Федор Михайлович не был и народником в том смысле, как толковали тогда это слово, например, Цейдлер, Порецкий и др., сосредоточивавшие все свои думы и действия на улучшении положения простолюдина... Федор Михайлович всегда был печальником, утешителем и защитником бедных; призванием его было изучать болезнь души и помочь ей стать в здоровые условия; вернейшее лекарство у него всегда была молитва», – пишет Яновский³.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 74.

² Там же.

³ Достоевский Ф. М. В воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 246.

Таким образом, психологизм Достоевского, интерес к народной душе сопрягался у него с её христианским эйдосом, имманентным народному самосознанию. «Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ Его по-своему, то есть до страдания... Повторю: можно очень много знать бессознательно»⁴. Страдание как проявление христианской души имманентно русскому человеку. «Этой жаждой страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьёт ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно»⁵.

Полагаем, что этот тезис о религиозной природе народа и русского крестьянства отнюдь не был христианской утопией, Достоевский видел в нём типичную, характерную черту русского народа, сложившуюся веками. Но именно это обстоятельство вызвало резкий выпад против Достоевского лидера российских демократов, литературного критика Н. К. Михайловского, подвергнувшего критическому разбору саму идейную основу творчества писателя.

Идейные основы творчества Достоевского в понимании Михайловского

При этом необходимо отметить, что нарастание критического тона в отношении творчества Достоевского пришлось на 1881–1882 гг., т. е. период крушения народофильства. Именно после трагических событий 1 марта 1881 г. в общественных настроениях наметился глубокий психологический и идеологический перелом. Репутация революционных деятелей, как и радикальных журналов социалистического направления, резко

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 73.

⁵ Там же. С. 80–81.

упала. В 1884 г. «Отечественные записки», орган радикальной мысли, возглавляемый Г. З. Елисеевым, М. Е. Салтыковым-Щедриным и Н. К. Михайловским, решением правительства был закрыт. Для интеллигенции настали «годы безвременья», период разочарования и неизбежного спада революционной активности. На этом фоне произошёл решительный поворот к консерватизму, яркими выразителями которого стали К. П. Победоносцев и М. Н. Катков. В этой духовной атмосфере Достоевский стал восприниматься, если не идеологом такого течения, то, во всяком смысле, его талантливым выразителем. И не случайно, что в своей статье «Жестокий талант» Михайловский нарочно подчеркивает, что считает «вздором» мнение о Достоевском как «духовном вожде» русского народа¹. Нет ничего удивительного в том, что радикальный публицист, тайно сотрудничавший с «Народной волей», бывший литературным редактором её программных документов, с неистовой бескомпромиссностью обрушился на писателя. Причём эта критика проявилась не только в знаменитой статье «Жестокий талант», находящейся в фокусе внимания современных литературоведов, но множестве других статей Михайловского. Весьма символично, что цикл своих статей он назвал «Дневник читателя», не без злорадства намекая на знаменитый «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского. К глубокому сожалению, современные литературоведы почти не обращают внимания на эту политическую подоплеку литературно-критической деятельности Михайловского.

В 1881 г. Михайловский пишет очерк, вошедший в «Записки современника», в котором подвергает сомнению народный характер творчества Достоевского. «О Достоевском часто говорят, как о народном писателе или, по крайней мере, как о

таким, который глубоко постигал самую суть русского народа, его душу. Это одна из *самых странных*², по своей неосновательности, репутаций. Из всех блестящих представителей сороковых годов, она наименее приличествует именно Достоевскому. Народом, как материалом для художественной обработки, он никогда не интересовался³. При этом, по мнению Михайловского, «народная душа» в произведениях писателя сводится к двум идеям – вере в Царя и любви страданий. Само страдание – не свойство народа, а «оригинальная идея», полученная не наблюдением над жизнью, а вытекающая «из духа самого Достоевского»⁴.

В 1882 г. Михайловский пишет самую известную работу – «Жестокий талант», в которой тон критики был ещё более непримирим. «Жёсткость и мучительство всегда занимали Достоевского, и именно со стороны их привлекательности, со стороны как бы заключающегося в мучительстве сладострастия», – писал критик⁵. Достоевский «рылся в самой глубокой глубине волчьей души», разыскивая там вещи тонкие, сложные, не простое удовлетворение аппетита, а именно сладострастие злобы и жестокости. Эта специальность Достоевского слишком бросается в глаза, чтобы её не заметить»⁶.

Объективный анализ публицистики Достоевского серьёзно противоречит заключениям Михайловского, «дух самого Достоевского», как и субъективное понимание им характера народной жизни – не при чём! Русский народ в середине XIX в. оставался в своей подавляющей массе верующим и православным народом. Этот императив страдания был глубоко укоренён в самом коде культуры, в христианском образе жизни. Для публициста «Оте-

² Прим.: Здесь и далее курсив автора статьи.

³ Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 432.

⁴ Там же.

⁵ Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. Спб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1897. С. 157.

⁶ Там же. С. 158.

¹ Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 156.

чественных записок» этика страдания как принципа народной жизни являлась «проявлением скудного и одностороннего понимания народной души», вызванного неверным формулированием нравственного идеала. «Возможность новых и новых унижений и оскорблений, унижений и оскорблений без конца – нимало ими не колеблется даже в идее, потому что вся операция подобна рубке леса, а не уничтожению корней, вся она состоит в индивидуально-психологическом решении задачи»¹.

Эту же мысль о лично-психологических мотивах Достоевского в трактовке народного идеала он повторяет и в 1882 г. По мнению народнического критика, такие идеи объяснимы *уважением к «существующему порядку», «склонностью к личной проповеди»* и т. д.². Опять весьма сомнительные и крайне субъективные толкования творчества!

Такой подход к критике, по существу, выводил все нравственные проблемы за рамки веры в Бога! Решение он видел в «переносе вопроса на общественную почву, которая нисколько не препятствует удовлетворению личных позывов к возмездию и совершенствованию других и себя». «Широкая общественная реформа может (по крайней мере, в идее) вырвать самые корни унижения и оскорбления, а затем с выжившими отпрысками поступайте, пожалуй, как хотите... Но этого-то последнего Достоевский никогда не признавал и, кажется, даже просто органически не мог понимать»³.

Логично задаться вопросом, почему Михайловский оказался не в состоянии понять художественный метод Достоевского? Ключ к ответу на вопрос даёт глубокое исследование Н. О. Лосского, тон-

ко подметившего логику людей разряда Михайловского, возвращённых в категориях позитивистского миропонимания. Философ отмечал: «Особенно далеки от взглядов Достоевского те лица, которые, следуя гедонизму, утилитаризму и т. п. направлениям, вместе с Миллем, считают, что единственная положительная самоценность есть удовольствие и отсутствие страданий, и единственная отрицательная ценность есть страдание. Отсюда при последовательном развитии этой мысли вытекает, что все остальные содержания бытия могут быть ценны не сами по себе, а только, как средства для достижения удовольствия и устранения страдания» [6, с. 289]. Лосский верно заметил, что страдание, согласно Достоевскому, «имеет не только воздаятельный, но вместе с тем и целительный смысл: оно побуждает человека одуматься, очиститься и искать новых путей жизни» [6, с. 295].

Внутреннюю противоречивость концепции страдания в трактовке Михайловским отметил и Н. А. Бердяев: «Русский нигилист-моралист думает, что он любит человека и сострадает человеку более чем Бог, что он исправит замысел Божий о человеке и мире. Невероятная притязательность характерна для этого душевного типа.... В её основе лежит атеизм и неверие в бессмертие. Неверие в бессмертие порождает ложную чувствительность и сострадательность... Само желание облегчить страдание народа было праведно, и в нём мог обнаружиться дух христианской любви. Это и ввело многих в заблуждение. Не заметили смешения и подмены, положенных в основу русской революционной морали...» [1, с. 66].

Очевидно, что Михайловскому оказался недоступен религиозный смысл творчества писателя, он не понимал, что страдание ведёт человека на небеса. Насильственно отрезав русский народ от религиозной веры, от народной традиции, представители российской народни-

¹ Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 421.

² Михайловский Н. К.. Полное собрание сочинений. Спб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1897. С. 189.

³ Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 421.

ческой интеллигенции не могли не прийти к искаженному, деформированному пониманию народа как совокупности социологических единиц, очистив её от груза «православных предрассудков». Впрочем, контрапункты идейного противостояния между двумя деятелями пореформенной культуры касались не только народа и его облика.

Российская интеллигенция глазами Достоевского

Не менее глубокими были социально-психологические наблюдения Достоевского над российской интеллигенцией. Показательны его оценки А. И. Герцена, родоначальника народничества. Как известно, к середине 1870-х гг. А. И. Герцен был общепризнанным кумиром оппозиционной России. Оценки, даваемые Герцену Достоевским, чрезвычайно точны. Для писателя феномен Герцена был исторически закономерным результатом культурного разрыва высших слоёв с народом, вызванного реформами Петра. «Тип, явившийся только в России и который нигде, кроме России, не мог не явиться. Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом... В этом смысле это тип исторический. Отделяясь от народа, они естественно потеряли и Бога»¹.

По мнению писателя, «к русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, – каким должен быть, по их понятиям, русский народ.... Разумеется, Герцен должен был стать социалистом, и именно как русский барич, то есть безо всякой нужды и цели, а из одного только «логического течения идей» и от сердечной пустоты на родине»².

Оценки Достоевским интеллигенции впечатляют глубиной психологического проникновения. «Психологический портрет» он дополнил штрихами о «литературном направлении», «утилитаризме» в писательском деле. Наиболее влиятельным органом нового течения являлся тогда журнал «Отечественные записки», во главе которого в 1860-е гг. стоял сначала Н. А. Некрасов, а позже и Н. К. Михайловский. Эстетику «направления» наиболее полно в своё время выразил Н. Г. Чернышевский, провозгласив формулу: «прекрасное – есть жизнь!». «Разрушитель эстетики» призвал таким образом не только отказаться от идей «чистого искусства», но и подчинить литературу задачам политической борьбы. Так, утилитарно-политические цели заместили художественную ценность произведений, следствием чего стало следование «партийной и идейной чистоте, направлению». Разрушение творчества стало неизбежным.

«Одна из самых грубейших ошибок состоит в том, что обличение порока (или то, что либерализмом принято считать за порок) и возбуждение к ненависти и мести считается за единственный и возможный путь к достижению цели!» – пишет Достоевский о психологии сторонников «направления»³.

Показательно с этой точки зрения творчество Н. А. Некрасова. «Есть очень и очень значительные таланты, которые так много обещали, но которых до того заело направление, что решительно одело их в какой-то мундир. Я читал две последние поэмы Некрасова – решительно этот почтенный поэт наш ходит теперь в мундире... Но что делать: мундирный сюжет, мундирность приёма, мундирность мысли, слога, натуральности... Знает ли, например, маститый поэт наш, что никакая женщина, даже преисполненная первейшими гражданскими чувствами, приявшая, чтобы свидетельствовать с несчастным мужем, столько трудов, проехавшая

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 47–48.

² Там же.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 125–126.

шесть тысяч верст в телеге... ни за что не поцелует сначала цепей любимого человека, а поцелует непременно сначала его самого, а потом уже его цепи...»¹.

Критика утилитаризма в 1870-е гг., несомненно, касалась и Михайловского, «учителя русской жизни», как его называли фанатичные адепты. Именно он последовательно проводил в жизнь «субъективный метод» в литературной критике, в основе которого лежала партийность: Михайловский доказывал принципиальную невозможность «чистого искусства».

Достоевский, быть может, первым рассмотрел новый необычный феномен интеллигентского самосознания – складывающийся «культ вождей», которые ведут за собой наивных последователей. «В русском человеке дерзости его ученого языка – почти нет пределов. Тут именно происходит феномен, существующий только в русской интеллигентных классов душе... Теперь у нас в публике (в вагонах ли, в другом ли месте) разговоры сильно изменились против прежних, старых лет; *теперь жаждут слушать, жаждут учителей* – на все общественные и социальные темы»².

Интеллигентский догматизм, внедряемый в сознание народа, по мнению Достоевского, основан на наивной доверчивости публики: «верят всему, подготовлены и вооружены весьма слабо – гораздо слабее, чем могла бы представить вам самая яркая ваша фантазия несколько лет тому назад»³. Из этого факта «образованщины», основанной на ходячих истинах, писатель приходил к заключению о «бессовестности интеллигенции». Она проявляется как в отсутствии подлинно глубокого знания своей страны, так и карнавальности её социального поведения. «Публика, то есть внешность, европейский облик, раз навсегда данный из Европы закон, – эта публика произ-

водит на всякого русского человека действии подавляющее: в публике он европеец, гражданин, рыцарь, республиканец, с совестью и с своим собственным твердо установленным мнением. Дома, про себя, — «Э, чёрт ли в мнениях, да хошь бы высекли!»⁴.

Для Достоевского очевиден был космополитический характер сознания интеллигенции, преклонявшейся перед «общечеловеческим, а не национальным. «Слово "отечество" произносилось не иначе как с насмешливой складкой... к делу России все воспитывавшие их (молодежь) относились с презрением или равнодушием...»⁵.

Конечно, эти неприглядные напоминания о фактах культурной роли интеллектуального класса не могли не вызывать ответной реакции: в социально-психологическом портрете интеллигенции, написанном Достоевским, многое угадывалось, как в зеркало глядели на себя её кумиры. И потому Михайловский решительно нападал на Достоевского.

«В "Идиоте" некто Евгений Павлович доказывает, что кто у нас нападает «на существующие порядки вещей, тот нападает «на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию». Эпилептический же князь (в том же «Идиоте»), вообще представляющий личные взгляды автора, высказывает его излюбленную мысль, что «кто от родной земли отказался, тот и от Бога своего отказался». Сообразно этому, обыкновеннейший приём наказания дерзостных врагов общего порядка и лично Достоевского состоит в следующем. Наметив подходящую жертву, Достоевский отнимает у неё Бога, и делает это так просто и механически, что точно крышку с миски снимает. Отнимет Бога и смотрит: как себе в этом положении жертва?», – писал с ехидцей народнический критик»⁶.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 126.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ Там же. С. 201.

⁶ Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений.

Флеров и «культ Михайловского»

Эту, с позволения сказать, «методологию» народника очень тонко проанализировал А. П. Флеров, известный российский пушкинист начала XX в., подготовивший интересное исследование о взаимоотношениях Михайловского и Достоевского, но до сих пор не опубликованное и почти неизвестное литературоведам. Значение Флерова нам видится в том, что, обладая изрядной долей научной порядочности и гражданской честности, он не побоялся развеять «культ Михайловского», который сохранялся в российской литературной критике до 1990-х гг., не побоялся указать на нелепые оценки «прогрессивным критиком» наследия Достоевского.

Посему он обратился к программной статье публициста-народника «Жестокий талант», поскольку именно она «задавала тон» всей прогрессивной литературной критике, формулировала своеобразный «стандарт» оценивания. «Ошеломляющее действие и кажущаяся доказательная сила мнения Михайловского настолько громадны, что до настоящего времени, несмотря на сорокалетний период, отделяющий нас от появления его в печати, никто из публицистических литераторов, критиков и учёных печатно не усомнился в правильности основного положения и не решился взяться за опровержение», – отмечал Флеров¹.

Отметим, что тогда мнение Михайловского в литературной критике рассматривалось как «истина в последней инстанции», а погрешить против неё – значит разделить самую реакционную ересь!

Флеров в противовес общественно-литературным стереотипам заявлял: Михайловский сознательно «наносил удар по репутации Достоевского», а тон статьи отражал «настроение бахвальства, прекрасно передаваемое бурсацким жар-

гоном: ”одним махом всех побивахом”»².

Нельзя не согласиться с мнением Флерова, что объективное и честное прочтение Достоевского было не под силу народническому оппоненту. Первый жил верой в живого Бога, Христа, второй – проповедовал искусственную секулярную веру в Человека. Именно потому и «религиозный язык» символов и метафор был недоступен нерелигиозному сознанию рационалиста Михайловского. В своих романах и рассказах Достоевский «сознательно принимал особые меры: рассказ у него пересыпан недомолвками, перерывом, неясными намеками, вопросами-загадками, которые нередко разрешаются лишь много страниц спустя». Так же «предлагал своё учение Христос»³.

Народнический критик не понял Достоевского уже только потому, что был занят газетной и журнальной рутинной на потребу дня. Флеров отмечает: «Михайловский, погружённый в сплошную журнальную работу, не имел возможности не только перечитывать по несколько раз сочинения Достоевского, но и один раз пристально прочесть целиком, без пропусков, чем только и можно объяснить у него обилие грубых недосмотров и элементарных ошибок в анализе»⁴. Что и сказать: сам народнический критик называл свою манеру писать – «писать весёлыми ногами»!

Более того, по мнению Флерова, позицию Н. К. Михайловского нельзя характеризовать гуманистической, он отошёл от подлинно объективной и глубокой оценки, данной Н. А. Добролюбовым творчеству писателя, страдавшего за униженных и оскорблённых. Эта идея сострадания к слабым и страждущим наиболее рельефно была выражена в знаменитой и талантливой статье Добролюбова «Забитые люди». Михайловский же в произведениях Достоевского уви-

Спб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1897. С. 428.

¹ Флеров А. П. Н. К. Михайловский и Ф. М. Достоевский // РО РНГ. Ф. 1008. Ед. хр. 5. Л. 2.

² Флеров А. П. Н. К. Михайловский и Ф. М. Достоевский // РО РНГ. Ф. 1008. Ед. хр. 5. Л. 5.

³ Там же. Л. 42.

⁴ Там же.

дел лишь «тонкого знатока и аналитика мучительства и злобы», грубым образом искажив и извратив творчество великого русского гения¹.

Заключение

Литературная полемика вокруг наследия Ф. М. Достоевского в значительной степени имела не только и не столько художественный смысл, сколько вызывалась ценностным несопадением творчества великого писателя и известного критика. Столкнулись две мировоззренческие парадигмы отношения к российской действительности, два взгляда на судьбу российского народа и интеллигенции. Позиция Достоевского была глубже. Он рисовал портрет народа, наполняя его христианской любовью, глубоко веря в излечение духовной болезни своими

силами. Концепция народа и народности Михайловского строилась на совершенно других основаниях. В своём понимании народа он выносил «за скобки» духовно-нравственные культурно-психологические характеристики народной жизни, представлял народ в виде социологической абстракции, за интересы которой вёл борьбу с государством. Не понимая существа народной жизни и не доверяя народу, оторванному веками от культуры, Михайловский в отличие от Достоевского был убеждён в необходимости направляющей и руководящей роли интеллигенции. Но если цели понимались так искажённо, то к чему могла привести такая борьба? Не потому ли один из друзей и учеников Михайловского Виктор Чернов скажет, что на улицы Петрограда в 1917 г. вышел не народ, а толпа?

¹ Там же. Лл. 90–91.

Статья поступила в редакцию 10.03.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины: сб. статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. М.: Новости, 1991. 298 с.
2. Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., 1997. 1007 с.
3. Булгаков С. Н. Тихие думы. М., Республика, 1996. 509 с.
4. Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. М.: Республика-Терра, 1997. 399 с.
5. Кладова Н. А. Концепция долга интеллигенции перед народом в 70-е гг. XIX века. (Ф. М. Достоевский и народники-социалисты) // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2008. № 4. С. 161–165.
6. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Из-во имени Чехова, 1953. 406 с.
7. Розанов В. Русская мысль. М.: Алгоритм, 2006. 573 с.
8. Свинцова Л. Г. Ф. М. Достоевский об отношении между интеллигенцией и православным народом // Интеграция образования. 2001. № 8. С. 55–59.
9. Сухотина Л. Г. Достоевский в общественной мысли России второй половины XIX – начала XX века // Вестник Томского университета. 2003. № 277. С. 64–72
10. Твардовская В. А. Ф. М. Достоевский в общественной жизни России. М., Наука, 1990. 340 с.

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. [Spirits of the Russian Revolution]. In: Askoldov S. A., Berdyayev N. A., Bulgakov S. A., et al. *Iz glubiny: sb. statei o russkoi revolyutsii* [From the Depths: Collection of articles. articles about the Russian revolution]. Moscow, Novosti Publ., 1991. 298 p.
2. Bulgakov S. N. *Ot marksizma k idealizmu. Stati i retsenzii. 1895–1903* [From Marxism to Idealism. Articles and reviews. 1895–1903]. Moscow, 1997. 1007 p.
3. Bulgakov S. N. *Tikhie dumy* [Quiet thoughts]. M., Republic, 1996. 509 p.
4. Ivanov-Razumnik R. V. *Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli* [History of Russian social thought]. Moscow, Respublika-Terra Publ., 1997. 399 p.

5. Kladova N. A. [The concept of the duty of the intelligentsia to the people in the 70s 19th century. (F. M. Dostoevsky and the populists-socialists)]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov], 2008, no. 4, pp. 161–165.
6. Lossky N. O. *Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and his Christian worldview]. New York, Izdatelstvo imeni Chekhova Publ., 1953. 406 p.
7. Rozanov V. *Russkaya mysl* [Russian thought]. Moscow, Algoritm Publ., 2006. 573 p.
8. Svintsova L. G. [F. M. Dostoevsky on the relationship between the intelligentsia and the Orthodox people]. In: *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education], 2001, no. 8, pp. 55–59.
9. Sukhotina L. G. [Dostoevsky in the social thought of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: *Vestnik Tomskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk University], 2003, no. 277, pp. 64–72.
10. Tvardovskaya V. A. *F. M. Dostoevskii v obshchestvennoi zhizni Rossii* [F. M. Dostoevsky in the public life of Russia]. Moscow, Science Publ., 1990. 340 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Блохин Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов;
email istory1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Blokhin – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, RUDN University;
email istory1@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Блохин В. В. Н. К. Михайловский и Ф. М. Достоевский (к пониманию проблемы взаимоотношений народа и интеллигенции в пореформенной мысли России) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 27–37.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-27-37

FOR CITATION

Blokhin V. V. N. K. Mikhailovsky and F. M. Dostoevsky (to understand the problem of relations between the people and the intelligentsia in the post-reform thought of Russia). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 27–37.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-27-37